

УДК 130.2: 316.7

DOI: 10.17223/22220836/21/3

Ф.В. Наумов

МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ

Статья посвящена исследованию сущности различных моделей языковой политики в ситуации мультикультурализма. В работе рассмотрены такие модели языковой политики, как политика языковой унификации, политика поддержки языков и политика языковой нейтральности. Модель политики языковой нейтральности исследуется в рамках теоретических подходов, представленных теориями А. Паттена и Ч. Кука-таса.

Ключевые слова: языковая политика, языковой конфликт, мультикультурализм, либерализм, либеральная нейтральность.

Большинство государств сегодня хотя бы в некоторой степени отличаются культурным многообразием. Активные миграционные процессы, студенческая и профессиональная мобильность, а в последнее время также массовый приток беженцев с Ближнего Востока приводят к тому, что в большинстве стран Старого и Нового Света проживает сегодня значительное число людей, принадлежащих к разным культурам. Многие государства можно назвать многообразными в культурном плане уже потому, что они открыты внешнему миру – представители любых народов могут туда свободно приезжать, уезжать, а иногда и оставаться.

Однако проблема мультикультурализма возникает, как заметил Ч. Кука-тас, из-за того, что многие люди хотят остаться в стране, в которую приехали: «It is the fact that many seek to stay in the societies they have entered, however, that gives rise to the problem of multiculturalism» [1. Р. 1]. Когда в рамках одного общества сосуществуют люди с разными культурными традициями, необходимо решить, до какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и относиться к нему терпимо и как придумать и обеспечить четкие и устраивающие всех правила общежития. Например, требуется достижение согласия не только относительно того, какие нормы поведения считать справедливыми и приемлемыми в данном обществе, но и какие вопросы могут считаться прерогативой государства с точки зрения легитимности. Следует определить, например, какие праздники признаются официально, к каким обычаям следует относиться толерантно, как человек должен выглядеть и вести себя на публике, на каком языке должны вестись публичные дискуссии, т.е. очертить круг прав и обязанностей индивидов и сообществ.

В связи с тем, что эти вопросы непросто разрешить, культурное многообразие зачастую приводит к конфликтам, в том числе к языковым. Языковой конфликт как особый социальный конфликт, тем или иным способом связанный с проводимой языковой политикой, может иметь причины, лежащие в экономической, политической, социальной, религиозной и других сферах, однако он приобретает конкретную форму в связи с проблемной языковой ситуацией, а доминирующая в социальном отношении группа, которая пыта-

ется ограничить социальные (экономические, культурные и т.п.) возможности других групп, будет в случае языкового конфликта рассматриваться именно как языковая группа. Иногда причины конфликта могут быть сосредоточены именно в языковой области, т. е. именно языковая политика доминирующего сообщества оказывается той точкой социального недовольства, из которой вырастает конфликт.

Дело в том, что у большинства людей существуют устоявшиеся мнения о том, что считать правильным и неправильным, хорошим и плохим, справедливым и нет. В этих условиях определение теоретических основ языковой политики в ситуации мультикультурализма равнозначно ответу на вопрос, существует ли некий набор общих принципов, способных служить ориентиром для решения языковых проблем, и какими установками должно руководствоваться общество, где сосуществуют разнообразные культуры?

В настоящей работе отстаивается тезис о том, что наилучший ответ на указанный вопрос дает языковая политика, основанная на принципе либеральной нейтральности, который понимается в контексте теории классического либерализма. Отдавая отчет в том, что определение либерализма вызывает острые споры, необходимо подчеркнуть, что в работе защищается одна конкретная точка зрения на либерализм, позаимствовавшая свои основные положения из работ классических представителей либерализма, а также ее интерпретация в рамках теории мультикультурализма Ч. Кука-таса и А. Паттена.

Общество может реагировать на культурное многообразие по-разному, и не всегда эта реакция означает признание идеи мультикультурализма. Строго говоря, вариантов реакции на проблемы языкового разнообразия существует, на наш взгляд, всего три, и они полностью исчерпывают весь класс возможных вариантов: политика языковой унификации, политика поддержки языков и политика языковой нейтральности.

Первый вариант предполагает активное воздействие на языковое разнообразие с целью создания единого пространства коммуникации на одном языке, однако коммуникация на прочих языках с органами власти, СМИ, общественными группами будет затруднена или невозможна. Такая языковая политика ставит перед собой цель объединить все сообщества единым языком как одним из сильных маркеров идентичности. Кроме того, плюсами данного подхода являются экономия на переводах в деловом обороте, а также возможность создания поля эффективного диалога различных социальных групп посредством единого языка. Латвия – современный пример, демонстрирующий унификационную языковую политику.

Действующий Закон «О государственном языке» вступил в силу 1 сентября 2000 г. и в полной мере реализует языковые ограничения ст. 4, 101 и 104 Конституции РФ и не гарантирует тех прав, которые провозглашены в ст. 114. В ст. 5 Закон предусматривает, что все языки, кроме латышского, являются иностранными, не делая исключений для языков национальных меньшинств. В соответствии с ч. 3 ст. 2 Закон признает право использовать любой язык в частной сфере, однако допускает «пропорциональное» вмешательство государства в вопросы употребления языков в частной сфере, если это отвечает «законным интересам общества» (ч. 2 ст. 2). В со-

ответствии со ст. 10 Закон не гарантирует права использовать другие языки, кроме государственного, при устном общении с органами власти, а также прямо запрещает использовать другие языки при письменном общении, не делая исключений для регионов со значительным или даже преобладающим латышским населением.

Кроме коммуникативной и идентификационной функции, язык в данном варианте также выполняет важную интеграционную (символическую) функцию. К примеру, в ст. 18 Конституции Латвии лицо, избранное в Сейм, приобретает мандат члена Сейма, если такое лицо дает следующее торжественное обещание: «Я, принимая на себя обязанности депутата Сейма, перед народом Латвии клянусь (торжественно обещаю) быть преданным Латвии, укреплять ее суверенитет и латышский язык как единственный государственный язык, защищать Латвию как независимое и демократическое государство и выполнять свои обязанности честно и добросовестно. Я обязуюсь соблюдать Конституцию и законы Латвии». Кроме этого, ст. 4 Конституции ставит государственный язык в один ряд с государственным флагом – главным символом государства. Языковое законодательство, использующее преимущественно императивное регулирование общественных отношений, обязано, помимо надлежащего контроля, осуществлять еще и функции по привлечению к ответственности за различные нарушения в языковой сфере. Эта необходимость порождает уникальный в своем роде правовой институт ответственности за нарушения норм языкового законодательства.

Как видно, характерной особенностью политики языковой унификации является императивное предписание и возложение обязанности на знание государственного языка с целью достижения национального единства, а все языковые сообщества, если они хотят быть интегрированы, должны выказать определенную лингвистическую лояльность режиму.

Другой вариант предполагает наделение культурных и языковых коллективов правами на использование их местного языка или языков на территории региона их проживания (что чаще встречается в федеративных государствах) либо на территории всего государства (что чаще встречается в унитарных государствах), определенным языкам предоставляются особые правовые статусы, а их носители могут свободно общаться на них в регионах или на территории всего государства соответственно. Такой подход использует инструментарий языковой политики для того, чтобы контролировать сообщества внутри государства путем предоставления преференций локальным культурным коллективам, в том числе преференции на коммуникацию на местных языках. Данный подход используется в первую очередь в тех государствах, где сильна роль местных элит, как правило настроенных оппозиционно правящему режиму. В таком смысле право на сохранение своего языка и, следовательно, культуры является компромиссным решением, направленным на сохранение политической стабильности.

Примером такого подхода в языковой политике может служить Российская Федерация. В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. устанавливается, что государственным языком РФ является русский язык. В соответствии с п. 7 ст. 1 обязательность использования государственного языка Российской

Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации». Закон строго устанавливает границы функционирования государственного языка. В ст. 4 Закон также устанавливает меры поддержки (например, предоставление переводчиков в судах), соблюдение прав граждан, а также ответственность за неисполнение норм закона. Из смысла закона следует, что большими правами обладают носители государственного языка – русского, так как только на нем возможно производство на федеральном уровне.

Особая значимость русского языка подчеркивается в ч. 4 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», согласно которой государственный язык Российской Федерации (т.е. русский язык) является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве и в принятом 1 декабря 2012 г. Законе «О внесении изменений в ст. 131 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и ст. 272 Закона Российской Федерации “Об образовании”», в котором прямо указывается необходимость знать именно русский язык для мигрантов, занятых в сфере жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли или бытового обслуживания.

Любая классификация, как известно, упрощает действительность, и сегодня нельзя сказать, что языковая политика РФ активно поддерживает нерусскоязычные языковые коллективы. Тем более нельзя сказать, что Российская Федерация сегодня проводит политику, которую с оговорками можно называть мультикультурной, так как она скорее стремится интегрировать все прочие культурные сообщества в поле сильной «социальной культуры» – культуры, говорящей на русском языке.

Вместе с тем, говоря о более или менее последовательной политике защиты языковых коллективов и их языков, нужно сказать о ЮАР, которая занимает второе место по числу признаваемых и обязательных языков (как минимум 2 из 11 языков для официального использования). Кроме того, ЮАР также одна из первых стран, официально признавшая язык глухонемых, наряду с Новой Зеландией и Исландией, а английский язык в ЮАР *de jure* ничем не отличается от остальных официальных языков. Этот факт отличает ЮАР, например, от Индии, в которой признано 22 языка, и разница состоит как раз в том, что общеобязательными в Индии являются только английский и хинди, а остальные языки функционируют на уровне субъектов федерации, в то время как конституция ЮАР не делает английский или африкаанс в правовом отношении более «сильными», соблюдая принцип равенства.

Оба подхода имеют одну отличительную особенность, которая не позволяет признать их достаточно эффективными инструментами для решения проблемы культурного и языкового многообразия. На эту особенность обратил внимание А. Паттен, обозначив ее как «outcome-oriented way», что предполагает стремление посредством данных политических культурных практик добиться либо языковой конвергенции в первом случае, либо сохранения «слабых» языков во втором [2. С. 365]. На наш взгляд, причин, по которым данные подходы могут быть подвергнуты критике, две. Во-первых, проводя

данные политики, стремясь достичь своих целей, неизбежно нарушают базовые права человека. Во-вторых, оба подхода создают опасную, с точки зрения социолингвистики, ситуацию, которая может порождать серьезные социальные проблемы.

Обращаясь к первой причине, можно сказать, что политика языковой унификации вынуждает изучать язык культурного большинства всех, кто к этому большинству не принадлежит, как признак лояльности доминирующей культуре и в прагматических целях. Как было сказано выше, теорий либерализма достаточно много и каждая акцентирует свое внимание на разных сущностях, однако можно с большой долей уверенности сказать, что либеральному взгляду в целом свойственно сочувственно относиться к культурному многообразию, поскольку он фокусируется на праве индивида жить по собственному разумению, владеть самим собой и вести свой образ жизни, даже если этот образ жизни не одобряется большей частью общества. Отсюда следует, что при всей разности подходов к этому явлению либеральный взгляд, как правило, предполагает, что любой акт агрессии в отношении личности недопустим, поскольку ни один человек или группа людей не имеют права посягать на чью-либо личность и собственность. Саму агрессию можно определить как угрозу применения или попытку применения насилия против личности или собственности другого. Кроме того, предполагается также абсолютное право любого человека на частную собственность, во-первых, в отношении своего тела; во-вторых, в отношении ранее не использовавшихся природных ресурсов, которые он преобразовал своим трудом и на которые получил право собственности. Но родной язык, хотя и не является врожденным, осваивается индивидом достаточно рано и становится важнейшим средством постижения мира. С этой точки зрения владение языком мало чем отличается от владения рукой или ногой, а значит, он также отождествляется с человеческой личностью и насильственное «изъятие» права на употребление языка можно сравнить, например, с насильственным изъятием органа. Если подходить с этих позиций, то политика языковой унификации насильственно заставляет всех не носителей языка большинства претерпевать определенные страдания, даже физические, за использование своего права на свободную коммуникацию. И речь идет не только об обязанности обращаться, например, с иском в суд на определенном языке, но обязанность, например, доказывать свою компетенцию на языке большинства, например как в случае с Латвией, при занятии государственной должности или говорить только на языке большинства в общественных местах.

Политику поддержки языков меньшинств также нельзя назвать либеральной, потому что она «раздает» преференции малым языкам и их носителям, чем укрепляет местные и региональные элиты, что выливается в итоге в те же самые попытки насильственно установить местный вариант в качестве местной нормы. При этом, учитывая различные ситуации миграции внутри государства, очевидно, что в сложной ситуации в языковом регионе оказываются как представители языкового большинства, так и иностранцы, решившие остаться в нем на постоянное место жительства. Кроме того, являясь серьезным маркером самоидентификации, в конце концов, экономически сильный и достаточно активный регион, объединенный общими культурой и языком,

под предводительством местных элит может стать очагом сепаратизма, что затрагивает уже не только интересы индивида, но и касается сложного вопроса о суверенитете, что также приводит к серьезной политической дестабилизации. Языковая политика поддержки языков проводится, как правило, в рамках более крупной политики мультикультурализма или, как в данном случае обозначает ее Ч. Кукатас, политики «жесткого» мультикультурализма [1. С. 8]. Жесткий мультикультурализм предполагает, что общество должно принимать активные меры для обеспечения малым культурным коллективам не только полноценного участия в жизни общества, но и максимальных возможностей для сохранения особой идентичности и традиций. Согласно этой точке зрения к разнообразию следует не просто относиться терпимо – его нужно укреплять, поощрять и поддерживать как финансовыми средствами (при необходимости), так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав. Однако такой подход предполагает, помимо положительных моментов, также и позитивную дискриминацию, которая является не чем иным, как орудием ущемления прав большинства в пользу меньшинств, в том числе в области языка. Позитивная дискриминация, таким образом, снижает ценность достижений личности, оценивая достижения по принципу принадлежности к определенной социальной группе.

Второй причиной является тот факт, что политика языковой унификации существенным образом влияет на языковую ситуацию в данном регионе. Все дело в том, что такая политика создает в регионе устойчивую диглоссную ситуацию, в которой один из языков занимает престижное положение, а остальные – нет. Эта ситуация чревата двумя наиболее очевидными последствиями: языковым сдвигом и языковыми конфликтами в связи с ним. Если языковой сдвиг как ситуация вытеснения одним престижным языком остальных на функциональную периферию может быть понята по-разному (так, для политики языковой унификации языковой сдвиг, скорее, положительное явление), то возможные культурные и языковые конфликты на почве самоопределения этносов и прочих культурных групп, важным катализатором для которых может служить непринятие языкового сдвига, оцениваются всегда однозначно плохо и крайне вредны для политической стабильности региона.

При проведении языковой политики поддержки малых языков языковой сдвиг искусственно замедляется, но при этом остается вопрос: что делать с теми, кто не желает продолжать практиковать язык меньшинства? При политическом курсе, направленном на поддержку культуры и языка, у несогласных остается мало вариантов, и это, конечно, возвращает к первой причине – проблеме соблюдения прав. Исследования языкового сдвига показали, что многие носители малых языков специально отказываются обучать своих детей непрестижным языкам с целью повышения их социальной мобильности и шансов в дальнейшем получить хорошее образование и работу [3]. Кроме того, даже при серьезной поддержке государства региональный язык никогда не сможет стать таким же престижным, как язык большинства, который, как правило, приобретает сверхпрестижный статус языка-медиатора в межкультурном диалоге. Продолжая оставаться в положении непрестижного, малый язык может стать фактором культурной самоидентификации носителей и, как следствие, также может быстро привести к сепаратизму.

Как видно из приведенного выше анализа, оба подхода в языковой политике не достигают своих целей и, как иронично заметил А. Паттен: «The only way to maintain some particularly vulnerable language may be to incarcerate the speakers of that language within their language community by denying them access to other languages (e.g., through restrictions on freedom of expression or mobility). And the only way to establish a common public language may be through a return to the highly coercive nineteenth-century variants of nation-building that most people today would find appalling» [2. P. 376].

Таким образом, третий вариант проведения языковой политики – вариант, в основе которого лежит принцип либеральной нейтральности, является альтернативой первым двум и стремится преодолеть их отрицательные стороны. Третий вариант предполагает отсутствие государственной поддержки тем или иным языкам и их носителям, но создание таких справедливых условий, при которых носители языков сами определяют судьбу своего языка: его престиж и сферу его функционирования. Это значит, что в отношении языкового разнообразия либо вообще не предпринимается каких-либо мер со стороны государства, оставляя это на усмотрение местных властей, языковых коллективов и индивидов, либо все возможные языки наделяются государством равным статусом с возможностью каждого индивида выбирать себе язык для коммуникации самостоятельно.

Оба этих взгляда на языковую политику либеральной нейтральности основываются на одном принципе – отказе от извлечения государством политических выгод из ситуации языкового разнообразия. Однако само понятие либеральной нейтральности может быть понято по-разному. Одна из интерпретаций, которую дает А. Паттен, основываясь на теории справедливости Дж. Ролза, определяет политику либеральной нейтральности как деятельность государства по выработке и реализации справедливых условий, внутри которых все формы жизни могут бороться за свое благополучие: «For Rawls, the state is neutral when it does not intentionally set out to promote or maintain any particular conception of the good or way of life but instead directs its attention at establishing fair background conditions under which different forms of life can strive for success» [2. P. 369]. В отношении языковой политики это означает создание таких справедливых условий, в которых разные языковые коллективы могут бороться за сохранение и успех своих языковых сообществ. Говоря в общем, такой подход предполагает доступ, или «контекст выбора», на всех языках всех языковых сообществ региона при сохранении свободы выбора в отношении любого из них. Кроме того, А. Паттен также предлагает использовать принцип пропорциональности во избежание максимизации издержек и ради более эффективного регулирования языкового разнообразия в конкретных регионах.

Оба варианта отвечают основному требованию политики либеральной языковой нейтральности, однако А. Паттен настаивает на том, что политика признания всех языков более предпочтительна. Основной его тезис заключается в том, что государство в случае с языком не может полностью устранить от выбора, как это возможно сделать с религией: «It is at this point that a major difference between language and religion must be acknowledged. I do not have in mind here the fact that the state can avoid having a religion, but it cannot

avoid communicating in some language (s) or other» [2. P. 377–378]. А раз поддержка только одного или только слабых языков нелиберальны по существу и фактически неэффективны, остается только один вариант – политика полного признания всех языков с возможностью индивидам свободно выбирать язык для коммуникации, что, как замечает А. Паттен, не менее эффективное средство создания единого сообщества, внутренне интегрированного и способного свободно обсуждать важные социокультурные вопросы. Данный подход к языковой политике либеральной нейтральности имеет как свои плюсы, касающиеся в первую очередь уважительного отношения к базовым правам человека, так и свои недостатки, если рассмотреть принцип либеральной нейтральности в иных концептуальных рамках, предложенных Ч. Кукатасом в качестве критики подхода Дж. Ролза.

Принцип либеральной справедливости, предложенный А. Паттенем, предполагает, во-первых, что общество, в котором он реализуется, закрытое, и, во-вторых, что основной вопрос культурной и языковой политики – это вопрос о справедливом распределении благ в обществе, где имеется дефицит различных ресурсов. Ясно, что в условиях мультикультурализма разные сообщества придерживаются разных концепций справедливости. В описанных обстоятельствах, как отмечает Ч. Кукатас, возникает вопрос: «...как люди могут жить вместе и оставаться свободными при наличии известного нравственного разнообразия?» [4. С. 27]. Одним из ответов является тот, что предложил А. Паттен, следуя в этом вопросе за Дж. Ролзом – создать такую концепцию справедливости, которая устраивала бы если не всех, то хотя бы большинство. Однако в условиях, где существуют противоречащие друг другу концепции справедливости, невозможно создать единую теорию справедливости без того, чтобы лишить ее содержательного наполнения, иначе она получится просто непоследовательной или противоречивой. Другим вариантом является сознательное навязывание одной концепции справедливости, которая с большой вероятностью не будет поддерживаться большинством сообществ и индивидов. Кроме того, вопрос, который в свое время поднял Дж. Ролз и который продолжил исследовать А. Паттен, – вопрос о социальной справедливости, по мнению Ч. Кукатаса, не является первичным. Первым вопросом, таким образом, выступает вопрос о легитимности – кто может осуществлять управление в мультикультурном обществе? Признавая в качестве единственного актора политического действия конкретное государство, пусть и действующее в рамках либерализма, сообщества и индивиды теряют доступ к выработке самих нормативных рамок либеральной справедливости и вынуждены лишь делать выбор внутри них. Кроме того, мир состоит не только из государств, а текущее развитие международного сотрудничества позволяет создавать международные сообщества, например международные фонды, корпорации и союзы, по многим параметрам, превосходящим государство как особый тип сообщества, ярчайшим примером среди которых является Европейский союз. Кроме того, из тезисов о приоритете государства и действии внутри закрытого общества следует, что в таком государстве будет сильная центральная власть, распределяющая ресурсы, основываясь на принципе справедливости. Однако очевидно, что власть в таком государстве будет подконтрольна самым влиятельным сообществам,

которые будут неизбежно проводить политику в своих интересах, и может так случиться, что предложенные им либеральные нормативные рамки не будут признаны значительным числом сообществ. Кроме того, есть определенная вероятность, что проводимая ими политика будет вовсе нелиберальной при сохранении либеральной риторики в публичном дискурсе.

Таким образом, преимуществом второго варианта реализации принципа либеральной нейтральности является то, что он делает акцент на следующей идее: когда у людей возникают разногласия относительно того, что считать хорошим, а что плохим, вопрос нельзя решать за счет принудительного навязывания преобладающей точки зрения, даже с позиций легитимной власти, при наличии разногласий следует стремиться к мирному сосуществованию и компромиссу. Тем не менее второй вариант, будучи последовательным в теоретическом плане, несомненно представляет собой стандарт, которому не может соответствовать ни один реально существующий режим и вряд ли когда-либо будет соответствовать, при сохранении решающей роли государства как минимум. В чистом виде языковая политика либеральной нейтральности задает слишком высокий стандарт – стандарт абсолютной нейтральности и равенства – без угнетения и преференций, однако проводимая в соответствии с ним языковая политика, во-первых, не дискриминирует как в позитивном, так и в негативном смысле носителей языка с позиции государства, «отдавая» решение языковых вопросов на усмотрение самих языковых коллективов путем демократического обсуждения и мирного принятия решений, и, во-вторых, не вовлекает государство в процессы преобразования языковой ситуации в данном регионе, не провоцируя, таким образом, языковые конфликты и не делая языковую идентичность предметом политических спекуляций.

Литература

1. *Chandran Kukathas*. Theoretical Foundations of Multiculturalism [Электронный ресурс]. URL: http://econfaculty.gmu.edu/pboettke/workshop/fall04/theoretical_foundations.pdf (дата обращения: 30.12.2015).
2. *Alan Patten*. Liberal neutrality and language policy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.princeton.edu/~apatten/liberalneutrality-PAPA.pdf> (дата обращения: 30.12.2015).
3. *Вахтин Н.Б.* Условия языкового сдвига: (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестн. молодых ученых. Сер. : Филологические науки. 2001. № 1. С. 11–16.
4. *Кукатас Ч.* Либеральный архипелаг : Теория разнообразия и свободы / пер. с англ. Н. Эдельмана; науч. ред. А.В. Куряева. М. : Мысль, 2011. 482 с.

Naumov Philip V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: c_d90@mail.ru

DOI: 10.17223/22220836/21/3

MODELS OF LANGUAGE POLICY IN MULTICULTURALISM

Key words: *language policy, language conflict, multiculturalism, liberalism, liberal neutrality.*

Today, most states at least in some cases may be characterized as culturally diverse. International dialogue of scientists and artists, qualified migration and student mobility leads to the situation where in most countries significant numbers of people belong to different cultures.

The problem of multiculturalism arises precisely from the fact that many people want to stay in the country they came in. So, in this connection the question arises: to what extent the cultural diversity can be considered acceptable and tolerable and how to ensure harmony in these circumstances? When within a single society coexist people with different cultural traditions, it is necessary to solve a num-

ber of problems, to provide and arrange all the rules of social life and to determine the range of rights and responsibilities of individuals and communities.

Because to solve these issues is not easy, cultural diversity often leads to conflicts, including linguistic conflicts. The language conflict as a social conflict, one way or another related to the language policy, may have the underlying causes in economic, political, social and religious fields. However, it is taking shape in connection with the problematic linguistic situation, when a socially dominant group tries to limit the social (economic, cultural, and so on) possibilities of other groups, and, in the case of language conflict, will be regarded as a language group. Sometimes the causes of the language conflict can be concentrated specifically in the area of language, so the language policy of the dominant community becomes a point of social discontent from which grows the conflict.

Given that, the majority of people have a well-established view on what is right and wrong, good and bad, fair and no, definition of the theoretical foundations of the language policy in a situation of multiculturalism is equivalent to answering the question: whether there is a set of general principles that can serve as a reference to solve language problems, and what kind of norms should be guided by a society where different cultures coexist?

In this paper I defend the thesis that the best answer to this question is given – is the language policy based on the principle of liberal neutrality, which is understood in the context of the theory of classical liberalism, developed by classical liberal authors and its interpretation in terms of the theory of multiculturalism C. Kukathas and views of A. Patten.

References

1. Kukathas, Ch. (n.d.). *Theoretical Foundations of Multiculturalism*. [Online] Available from: http://econfaculty.gmu.edu/pboettke/workshop/fall04/theoretical_foundations.pdf. (Accessed: 30th December 2015).
2. Patten, A. (2003) Liberal neutrality and language policy. *Philosophy and Public Affairs*. 31(4). pp. 356–386.
3. Vakhtin, N.B. (2001) Usloviya yazykovogo sdviga: (K opisaniyu sovremennoy yazykovoy situatsii na Kraynem Severe) [The conditions of the language shift: (The description of the current linguistic situation in the Far North)]. *Vestn. molodykh uchenykh. Ser.: Filologicheskie nauki*. 1. pp. 11–16.
4. Kukathas, Ch. (2011) *Liberal'nyy arhipelag: Teoriya raznoobraziya i svobody* [The Liberal Archipelago: The theory of diversity and freedom]. Translated from English by N. Edelman. Moscow: Mysl'.